

ВЛАДИМИР ОРЛОВ

УСЫ

(СБОРНИК)

Владимир Орлов

Усы (сборник)

«ФТМ»

2013

Орлов В. В.

Усы (сборник) / В. В. Орлов — «ФТМ», 2013

ISBN 978-5-17-077669-6

Это необычная книга, как и все творчество Владимира Орлова. Его произведения переведены на многие языки мира и по праву входят в анналы современной мировой литературы. Здесь собраны как новые рассказы «Лучшие довоенные усы», где за строками автора просматриваются реальные события прошедшего века, и «Лоскуты необязательных пояснений, или Хрюшка улыбается» – своеобразная летопись жизни, так и те, что выходили ранее, например «Что-то зазвенело», открывший фантасмагоричный триптих Орлова «Альтист Данилов», «Аптекарь» и «Шеврикука, или Любовь к привидению». Большой раздел сборника составляют эссе о потрясающих художниках современности Наталье Нестеровой и Татьяне Назаренко, и многое другое.

ISBN 978-5-17-077669-6

© Орлов В. В., 2013

© ФТМ, 2013

Содержание

Рассказы	5
Лучшие довоенные усы	5
1	5
2	5
3	7
4	9
5	12
6	12
7	14
8	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Орлов

Усы (сборник)

Рассказы

Лучшие довоенные усы

1

Я попытался быстро выйти из Дома Литераторов, шел, глядя перед собой, не дай Бог, наткнуться взглядом на кого-либо из знакомых (и не знакомых), сидевших за столиками в Пестром буфете, и уперся лбом в грудь высокого человека.

– Ты-то мне и нужен, – услышал я голос Евтушенко.

Евтушенко был виден мной и на стене буфета. Средний буфет Дома, самый людный, однажды, и на несколько дней был отдан под «граффити» художникам, как было объявлено, с чувством юмора, и красочные пятна их шаржей и картинок с комическими сюжетами позволили называть Средний буфет Цветным. Или Пестрым. Недалеко от стойки буфета на стене был изображен и знакомый всем поэт. Он стоял и словно в удивлении смотрел на консервную банку. Подпись сбоку от рисунка сообщала: «Здесь ел тушенку Евтушенко».

Нынешний Евтушенко ничего не ел, а будто бы отлавливал добычу. За мной он, похоже, следовал из Дубового зала.

– Значит так, – сказал Евтушенко, – завтра без пяти восемь ты должен быть на «Мосфильме». Кабинет мой и нашей группы в известном тебе Объединении на втором этаже. Ты знаешь, где это....

– Знаю... – пробормотал я.

– Говорят, ты прочитал мои «Ягодные места»!

«Так, – подумал я, – кто-то уже доложил Жене о моем отношении к его «Ягодным местам»...

– Прочитал, – с вызовом произнес я. – И что?

– Мне важно услышать от тебя суждение о моем романе, – сказал Евтушенко.

– Я сейчас не в состоянии... – опять пробормотал я. – Или захвалю. Или наговорю всякую чушь. Вот завтра...

– Хорошо, – сказал Евгений Александрович. – Завтра, значит, без пяти восемь съемочная группа ждет тебя.

«Как же! Сейчас! В шесть встану и побегу прямо на «Мосфильм»! – соображал я.

Разыгрывал я отравленного алкоголем, но пьяным вовсе не был, просто не желал участвовать в съемках какого-либо фильма, хотя бы потому, что завтра намерен был выспаться.

2

Отношения с Евгением Александровичем складывались у нас своеобразно, с некими недоумениями (или недоразумениями). Или вообще никак не складывались. Позже, фильм «Детский сад» был уже снят, Женя подписал мне первый том своего собрания сочинений словами: «Володе, марьинорощинскому хулигану, бывшему меня в детстве...» Но, во-первых, я не был марьинорощинским (и не хотел им быть). Я рос в Напрудном переулке, между Второй и

Третьей Мещанскими, то есть был москвичом, а не каким-то забортным («затрифоновским») жителем, приписанным к дачным поселкам за Рижским вокзалом и невидимыми границами Камер-Коллежского вала. Евгений Александрович рос тоже в Мещанской слободе, но на полтора километра ближе меня к Кремлю, на Четвертой Мещанской (она-то после социальных улучшений столичной топонимики, скажем, удаления позорных будто бы слов «мещане» с трех названий, а Первую Мещанскую и вообще облагородили бантом, или орденой лентой, – возвели в Проспект Мира, она-то, Четвертая Мещанская, осталась единственной именно Мещанской, потеряв при этом свой порядковый номер). Учились с Евтушенкой мы в разных школах, он – напротив Безбожного переуллка, я – на Первой Мещанской, а главное – я был моложе его на четыре года, и бить этого верзилу (а уже в его шестнадцать лет фотографию самого юного участника Совещания молодых писателей – и в полный рост! – дали многие газеты) не имел возможности. И тем более нужды.

Однако теоретически...

Однако теоретически в нашем переулке Евтушенко появляться мог. На углу Напрудного и Третьей Мещанской стояла Двести Сорок Пятая школа. В ней, в единственной полуподвальной квартире, ведомственной, проживал (мать его работала в Районо) мой приятель Адик Чумаков, по прозвищу Американец. Он был длинный и тощий, стало быть, Американец. Но в метриках он значился вовсе не Адиком, а имел гнусное имя Адольф, коли бы знали об этом мальчишки ни за какие подвиги он не смог выпрыгнуть из клочки Фриц. Так вот Адик учился в одном классе с Женей Евтушенко, а об этом юном таланте ходили в Мещанской Слободе легенды, и некоторые из них я, ковырявший уже тогда какие-то стишки, слышал как раз от Адика. Не исключаю, что о них мог слышать и мальчик Володя Высоцкий. Он жил на Первой Мещанской, у Рижского вокзала и был определен в новую школу на соседней с нами Переяславке...

В Двести Сорок Пятой же школе, новенькой к лету сорок первого, в годы войны и несколько лет после нее дети не учились. Здание было казармой для поднебесных девушек из ПВХО. Девушки эти водили, как слонов, аэростаты по Третьей Мещанской и по Трифоновской (тихо-пограничной с Марьиной Рощей), именно водили, не таскали же веревками и канатами заградительные серозеленые колбасы. Война шла ко Дню Победы, служба девушек была теперь связана больше с хлопотами салютными, где-то невдалеке от нас, у площади Коммуны вроде бы, пиротехники отправляли в небо по вечерам фейерверочные букеты, рассыпчатые и трескучие. Слонов девушки-погоняльщицы прогуливали теперь по асфальтам и булыжникам реже. (Сейчас вспомнилось: шел тогда трофейный фильм «Маленький погонщик слонов», вот слоны и застряли в голове). Но наша армия «всех сильнее» была крепка духом, уставы исполнялись без послаблений, и девушек, забыв на время о приданных им воздушных существах, муштровали строевыми упражнениями по плацевым ровностям Третьей Мещанской (она упиралась в кинотеатр «Форум» на Садовом кольце, где, по легендам, между сеансами пела мама Евтушенки, мечтавшая, по словам, уже достоверным, самого Евгения Александровича, о том, чтобы ее сын получил высшее образование). Так вот, поднебесные девушки возобновляли умение по земному (или по парадному) ставить тренированные ноги в коротких сапожках (и юбки их чуть выше колен были хороши), приманивая зевак на тротуары Третьей Мещанской, высказывали даже из переулков ради зрелища самодовольные «виллисы» и «амфибии» из постановок союзников (булыжник Трифоновской оставался верен трамваям), а в недра Двести Сорок Пятой школы уже залетали мирные ветерки. Там, скажем, решили разместить школу корректоров. Речь об этом в нашем дворе шла. Корректоры мало кого волновали, а вот слухи о том, что школьный двор обнесут стальным забором с жердями-пиками, волновали. В пустом дворе этом были для нас футбольные поля («в одни ворота») и короткие дороги к Ржевским баням. Не лазать же в бани нам, не имевшим в коммуналках и горячей воды в кранах, теперь и через заборы? Пришлось...

Но в школу корректоров, по легенде Адика Американца, вроде бы намеревался поступать молодой поэт. Достоверна эта легенда или нет, мне неизвестно. Но в наших блатных переулках, впадавших в Мещанские улицы, он вполне мог оказаться – уж не знаю, по какой причине! – и избитым. Однако в своем автографе Евгений Александрович наводил на меня напраслину. Я не только не был марьиноорощинским, но и его я не бил. Я вообще не был драчуном...

Но теперь об этом оставалось только жалеть.

3

«Теперь» – это на утро после призыва меня Евгением Александровичем на «Мосфильм».

В шесть утра меня, утомленного жизнью и трудами, с удовольствием принялась будить жена: «Ты обещал Евтушенке!...»

Жаворонок!

Но пока ее слова не вызвали во мне гневного отпора. Я лишь вспомнил, как вчера Евгений Александрович обосновывал свое желание видеть мою марьиноорощинскую рожу в массовой «Детского сада». «Старик, – говорил начинающий режиссер, – ты сам знаешь, что такое мосфильмовская массовка. Редко, кто из-за трех рублей. Эти – циники и любители студийных буфетов. Остальные же – индюки, лелеющие в себе гениев. Им все равно, кого изображать – палача ли Марии Стюарт, участника ли репинского крестного хода, или латышского стрелка. А у вас лица свежие. Штампы вам пока недоступны. И по три рубля вы у меня выторговывать не будете, я человек бедный. Но хорошим виски я смогу вас угостить...»

Оценка Евгением Александровичем мосфильмовской массовки была справедливой. Но именно он решил стать режиссером, пусть с этой оценкой и проживает.

И я натянул на мутную голову одеяло. Сейчас же бы всем моим соображениям впасть в спячку. Ан нет. «Как же, бедный! – ворочался я. – И лица у нас свежие! Это из-за того, что по три рубля не потребуем...» Среди свежих лиц были перечислены люди молодо-знаменитые – писатели, музыканты, художники из бульдозерных. Женя всегда сгребал себе в окружение людей модных. Стало быть, и я превратился после одной из своих последних публикаций в модного, для Евгения Александровича, человека? Надо же! Еще совсем недавно при встречах с читателями журнала «Юность» Евгений Александрович (в «Юности» нас и познакомили) лишь молча раскланивался со мной...

– Вставай! Вставай! – требовала жена. – Сейчас Евтушенко снова позвонит!

– Пошел он бы он подальше, – заявил я. – Сама знаешь куда! Туда его и пошли!

– Не смогу... – растерялась жена.

– Не сможешь, тогда и не мешай мне спать!

И одеяло снова, но более категорично, накрыло мне голову.

И ведь помогло.

До семи удалось передрекать и вызвать мечты о безделье в выходной день. Но тут меня начали нагло будоражить.

– Евтушенко звонил еще два раза! – меня уже за ухо тянули к кинопроизводству. – Вставай!

– Пошел бы он... – попытался промычать я.

И были произнесены слова:

– И еще он просил, чтобы ты не забыл паспорт. Иначе тебе не выдадут оружие.

Подо мной сейчас же взыграла воздушная подушка, и я взлетел к потолку. То-есть ни к какому потолку я не взлетел, просто быстро вскочил на ноги и отправился к душе. В зеркале физиономия моя показалась мне ущербно-опухшей, но на долгие процедуры в ванной времени не было, душ и душ, ну, и еще бритва «Филипс».

Экое чудодейственное слово для мужика, да еще и старшего лейтенанта запаса мотопехоты, – «оружие»! На кой хрен мне было это мосфильмовское оружие, наверняка, какая-нибудь раскрашенная деревяшка или железка, похожая на револьвер? И вот, как идиот, я вскочил и понесся метрополитеном и автобусом к северным воротам «Мосфильма»! До сих пор не могу дать объяснение тогдашних утренних воодушевлений. Впрочем, и не ищу его.

Я опоздал на полчаса. Но, судя по тому, что основные помощники режиссера сидели пока в помещении съемочной группы «Детского сада», можно было понять, что свет еще не установлен. Или, напротив, что-нибудь на площадке уже напортачено.

Евгений Александрович читал стихи.

В других съемочных группах ничего подобного быть не могло. С богослужением это зрелище и звуковое действо сравнивать было бы, конечно, кощунственно, но чтение стихов мастером явно возносило его сподвижников в романтико-воздушное состояние, в чистоту творческих отношений, в которых невозможны были бы паскудные каверзы тщеславных осветителей и бестолковые усердия монтировщиков. И лампы «Юпитеров» со взрывами там не перегорали.

Тем более, что читал Евгений Александрович прекрасно.

Как он был одет, я уже не помню. Время склеилось, а потом спрессовалось и засохло, а новейшие впечатления искрошили впечатления прежние, а то и первичные. Вот уж много лет я вижу Евгения Александровича лишь на экране телевизора. Одевания его, как правило, свободного покроя, порой от гавайцев или таитян с яркостями пестрых клеток или прогибов огуременно-батикового орнамента. Иным в голову приходят мысли о клоунах и порхающих в экваториальных лесах птицах. Да пусть клоуны, пусть экваториальные птицы! Истинный художник имеет право на вольности. Помимо всего прочего в натуре Евгения Александровича природой поселен – Артист (при этом отчасти – и наш, «мещанский» понтырщик), но никогда в своих нарядах он не был пошл. Во всем был элегантен, в какие бы заскоки не впадал (в пору отторжения от красных галстуков ходил и балаковским щеголем, и стилигой), любые костюмы носить умел, проявлял осанку в выходах к тысячам поклонников, танцевал и двигался замечательно. Вот и тогда, в день начала съемок «Детского сада» он стоял лицом к замороженной публике будто с бокалом шампанского во вскинутой («кружева на манжетах») руке в заздравной сцене «Травяты» и был безупречно пластичен.

А я все испортил.

Но не сразу.

– А вот и наш небожитель! – воскликнул Евгений Александрович. – Пусть хоть на неделю! Вчера он дочитал мой первый роман «Ягодные места» и пообещал обнародовать о нем свои впечатления.

– Жень, – сказал я. – Тебе дано писать стихи, а проза твоя куда хуже стихов...

Все замерли. Лишь пузырьки шампанского продолжали вырываться из исчезнувшего бокала. А кружева с манжетов опали.

– Я так и думал, – печально сказал Евтушенко. – Я тоже бросил читать твой роман, устав от чрезмерной эксплуатации автором текстов Булгакова.

Можно было возвращаться домой. Не жалел, что не соврал и выдал из себя неисканное мнение о «Ягодных местах». Потом стал жалеть. Вполне возможно, я выплеснул совиное раздражение невыспавшегося сибарита, зачем-то понесшегося к актерским мармеладкам, и оценка моя несправедлива. Зачем испортил людям настроение? Мог бы объясниться с Женей и не на людях... Но ему, видимо, публика была необходима. Он спросил, я ответил... Извиняться или размазывать свои слова не было смысла.

– Вот что, – сказал Евтушенко, – раз уж ты совершил подвиг и смог явиться к нам, мы оставляем тебя в массовке. Оружие сейчас, после восьми, ты вряд ли получишь. Оружейник у нас зверь. Но сходи, попытайся... Придется унижаться, но что поделаешь... И одежонку – по роли – попробуй получить...

– Это где? – тупо спросил я.

– А вот Боря Чинцов, ассистент по массовке, тебя проводит...

4

Поначалу Чинцов был быстр и энергичен.

«Мосфильм», как известно, промышленное предприятие с цехами-павильонами. И с высоченными заводскими коридорами-проездами, обычно пустыми, и, даже поорав перед тем в мегафоны «Ау! Ау!», вызнать в них о том, что где, и как, и куда идти, практически невозможно.

И вдруг Чинцов разволновался. Заяц почувствовал запах волка. Или присутствие в лесу, в километре от своей вольной пробежки, опасного мужика с гадкой вонью пороха и чищенного металла.

– Что это вы? – беспокоился я.

– Желудок, – нервно сказал Чинцов. – Тут как раз туалет. Иначе бежать на четвертый этаж. А оружие – вот за этим углом. Дорогу в группу вы найдете? Или подождать вас здесь?

– Ждать не надо, – сказал я. – Дорогу обратно найду.

А отчего-то тревожно стало...

За поворотом коридора открылся вдруг будто торговый уголок. Слева на плечиках висели вещи, смысл пребывания которых здесь стал понятен мне не сразу. Справа был будто бы парково-стрелковый тир с жертвенными зайчиками, белочками, барсуками, перелетными утками и отчего-то с австралийским зверем комбат (трафарет рядом сообщал: «Комбат» – 400 %», процентов чего – не разъяснялось). Распорядитель тира (или хозяин его) спал, положив голову и грудь на кассовый прилавок тира. Мой приход заставил его на секунду поднять голову, этого было достаточно. Для меня тоже.

– До восьми утра, – пробормотал оружейник. И вернулся в сон.

– У меня паспорт есть, – искательно заговорил я. – Я из группы «Детский сад». Меня там ждут. Иначе случится простой.

– Вот и идите в свой детский сад. Небось, на утренники с мандаринами и карамелью не опаздываете. А у нас здесь люди взрослые.

Я был ему неинтересен. Сам оружейник вид имел свирепый, нос его перезревшей желто-белой сливой свисал на бок, уцелевшие клыки казались клыками вампира, валенки же, явно подшитые на Гаити, будто бы были подарены оружейнику Карибскими пиратами.

Мне стали понятны волнения и желудочные опасения ассистента Чинцова.

– Вы были куда вежливее и расторопнее, – сумел выговорить я, – когда расстреливали Крючкова.

– Какого Крючкова? – глаза оружейника приоткрылись.

– Николая Афанасьевича Крючкова. Какого же еще? Народного любимца! Верного сталинца. Потом он, правда, у Пырьева стал одним из трех танкистов. Но прежде в фильме Юткевича вы его расстреляли на волжском берегу по распоряжению негодяя Зиновьева, – сказал я.

– Вы помните? Вы меня запомнили?! – оружейник глядел на меня восторженно и будто не мог поверить в счастье, ему привалившее.

– Конечно, – великодушно заявил я. – Еще в студенческие годы три раза смотрел «Яков Свердлов». И другие фильмы с вашим участием. И теперь по ТВ нет-нет, но ваши фильмы показывают...

Теперь, по-моему, я мог унести весь арсенал оружейника. Не оставляя паспорта за него в залог. Однако из вежливости пришлось продолжить разговор, слава Богу, в нем не возникло надобности врать. Нынешний оружейник на самом деле был некогда в кино ходовым актером. Играл бандитов, возможно, что и пиратов, немецких извергов, врагов народа, суровых комис-

саров и чекистов с хрустальными душами. И тем, и другим соответствовал темпераментом и ярким обликом. Когда воспоминания стали переходить в печали нынешнего дня (и ко мне пришли печали хотя бы и о судьбе оружейника, да и о своей, будущей), я был вынужден напомнить собеседнику о заторе фильма о военном детстве.

Через семь минут (оружейник отвел меня к ближней лестнице на второй этаж) я явился в съемочную группу «Детского сада», имея при себе мосинскую винтовку с оттянутым штыком, одетый в неведомо на что похожую, якобы довоенную куртку, помятую кепку, кирзовые сапоги, в них пришлось заправить джинсы. Ополченцем сорок первого года я при этом, увы, себя не ощущал...

– Надо же, как ты быстро-то! – удивился режиссер. – И с оружием!

Но, похоже, он удивился тому, что оружейник не пропорол меня штыком мосинской винтовки, а живым вернул в массовку.

– Все благодаря вашему имени! – с воодушевлением произнес я. – Как только оружейник узнал, что я снимаюсь у самого Евтушенки, так сразу на стол и оружие, и обмундирование.

– Ага! И джинсы среди прочего! Остричь извольте! – сказал режиссер. – А что это ты такой отмытый и отчищенный!? Гордеев, сделайте ему небритость!

Гордеев был старший гример в нашей группе. Осмотрев мою физиономию, он не нашел поводов для усердий большого художника, а передоверил работу ассистентке Людочке и остался ею (работой) доволен. Мне было предложено зеркальце, я взглянул в него и ужаснулся. Нечто в черных угрях показывало мне язык.

– Плохо! Плохо! – воскликнул Евтушенко. – Он будто не знает, что началась война! Он будто полил себя тройным одеколоном, или в рот его плеснул, и двинул в парк культуры крушить барышень! Ишь, какой беспечный разложенец!.. Вот что, Гордеев, сделайте этому флейтисту лучшие довоенные усы!

– Альтисту, Евгений Александрович, не флейтисту. Альтисту...

В интонациях старшего гримера тихо выявился некий протест. Или даже сочувствие ко мне...

– Да какое значение имеет, – повелительно и с раздражением взмахнул рукой режиссер, – флейтиста или альтиста!? Главное, чтобы его смогли хоть чуть-чуть украсить лучшие довоенные усы!

И началась забава.

Стало быть, пустое время еще было.

Сам Евгений Александрович молча уселся за руководящий стол с неизбежно-важной, но необязательной сейчас лампой и стал будто бы черпать (неизвестно что, вдохновение ли, просто ли рабочее состояние) из начальных страниц режиссерского сценария. При этом чуть ли не ребенком поглядывал на игру с выборами для флейтиста-альтиста довоенных усов. То ли завидовал временным бездельникам из своей группы, то ли пытался понять, что они за люди. (Мельком я уловил новый для Евгения Александровича жест. Густые и жесткие волосы его, видимо, стали редеть, его это тяготило, и он приминал правой рукой прямые светлые пряди в старании упрятать, убрать их с глаз поклонников трибуна и лирика. Уже потом пошли в дело кавказские покрытия-кепи в клетку).

А мне все клеили и клеили довоенные усы. У гримера Гордеева, продолжавшего относиться ко мне (или к моим текстам) с симпатией, обнаружился целый склад усов в коробочках, похожих на орденские. Сначала были опробованы усы стахановцев. Потом Гордеев уважил усы из коробки «Полярники». И тем, и другим сочетание с моей физиономией удач не принесло. Увы... Стало даже обидно за полярников (Папанина прежде всего), и за стахановцев. Я-то ладно... Мне усы, возможно, и вовсе в реальной жизни не были положены. (Потом, правда, через годы они на мне – и неожиданно – все же состоялись). А тогда украшали меня и усами пожарного. Я в них стал похож на каланчу. Или на Семена Михайловича Буденного. Журнали-

стом я по делам общался некогда с Буденным. Понял: уход за его усами, а в комплекте и за его бровями требует нескольких часов в день. И для цели этой следовало иметь салон-конюшню со стилистами-есаулами. Правда, клиент этого салона вряд ли бы стал пробиваться в ополченцы, ему явно хватило бы маршальских занятий... Гримеры возились со мной озабоченные...

– Что вы там застряли с этим ополченцем! – с раздражением напомнил о себе режиссер. – Если не знаете моду тех лет, возбудите в памяти образы лучших тогдашних персонажей с усами! Без бород! Без бород!

Ко мне была придвинута палехская шкатулка. Не маленькая. С летящей по искристому снегу тройкой на лаковой крышке. Оказалось: клад с усами лучших довоенных персонажей.

И зашелестело. «Ворошилов... Каганович... Калинин... нет, этот с бородкой (испуганный огляд на режиссера, и усы всенародного дедушки были возвращены в шкатулку)... дядя Степа (но имел ли дядя Степа усы, вспомнить не могли, да и кто этот дядя Степа?)...» Ну, и так далее...

Ах, да! Чуть было не обмишурились! А Молотов! А Берия! А Иосиф Виссарионович!

И начались попытки преобразований меня в человека, достойного быть ополченцем и защищать Москву. Мои мнения при этом важности не имели. Надо сказать, что почти все усы, наклеиваемые на раздраженную уже верхнюю губу (щипало, зудело) мне не нравились. К тому все они были похожи друг на друга. Будто бы знаменитые дяденьки, исходя из каких-то, им понятных, политических или карьерных представлений, полагали, что носить усы, знаком благонадежной важности, им необходимо, но необходимо и соблюдение ими же правил приличия партийной субординации и скромности. И уж никак нельзя было перещеголять усы рыжего тараканища (это уже из смелостей и ехидств нашего поколения, могли их себе позволить). А при соблюдении приличий прежнего усозаведения, использовались, как правило, две формы – куций вертикальный прямоугольник под носом (Берия, Молотов, Каганович) и прямоугольник подлиннее, иногда с чуть острыми завершениями. С куцыми усами я был себе противен. Да и с любыми другими тоже.

А главное все больше раздражался режиссер. Он давно уже бросил изучение сценария и свои творческие усилия перенес на создание образа ополченца с усами.

– Нет! Нет! Нет! – слышались оценки режиссера. – Нет!

Тут прибежал ассистент Чинцов с вестью о готовности к началам съемок.

– Ну вот, дождались! Столько времени ушло на этого! То оружие, то усы... Капризы! Без всяких на них оснований! Более ни секунды! – заявил режиссер. – Это что у вас за серебряный сундучок?

– Ну... это сейф... – смутился старший гример Гордеев. – На крайний случай...

– И не нужны мне усы, – обрадовался я.

– Здесь все решает режиссер! Ему определять, кому нужны усы и какие, а кому не нужны. Гордеев, открывайте сундучок!

Гордеев и его ассистентша Людочка, казалось, телами готовы были встать на защиту самооценности и тайн сундучка, но зачем они тогда принесли его в группу? Наконец, Гордеев уступил напору режиссера-постановщика и серебряным же (на вид) ключом отворил недра сейфа-сундука. В нем было два отсека. В одном хранились какие-то темные стеклышки, чуть вогнутые, в другом – укутанные в шелковую тряпицу усы.

– Вот эти и клейте! – распорядился режиссер.

– Их нельзя, – робко заговорил Гордеев. – Их можно только по письменному разрешению директора студии... Они...

Напрасно Гордеев в подкрепление себе вызвал чье-то письменное разрешение. Что значил сейчас для Евгения Александровича какой-то директор «Мосфильма», пусть даже и Генеральный?

– Вот эти и клейте! – голосом маршала Жукова произнес Евгений Александрович. – А я ухожу на натуру. И ты с усами (*это ко мне*) сразу же беги туда! А то солнце зайдет.

И ушел. Гордеев со вздохами («мне потом за все расплачиваться...»), Людочка с печалью в глазах («надо же, садист какой-то, о репутациях людей не думает... вы (*мне*) не расстраивайтесь и в зеркала особо не глядите...»). У меня и времени не было разглядывать себя. Усы как усы. Довоенные. Ничем не лучше и не хуже усов, скажем, Папанина или Кагановича. И клея на них ушло мало. Они сами словно бы вцепились мне в губу. («Таких технологий у нас нет... – шепнул Гордеев»).

Но что мне было думать о технологиях!

5

Первый эпизод фильма на натуре «Проход ополченцев сорок первого года» снимали в северо-восточном аллеином углу мосфильмовской усадьбы. С севера, за металлическим забором, протекала в Троекурово Мосфильмовская улица, на востоке гнали автомобили и троллейбусы мимо тогдашней Рублевки – светлейших особняков поселка «Застава Ильича».

Шутка Евгения Александровича по поводу захода солнца могла превратиться в сумеречную реальность.

Мосфильмовские ветераны массовок давно разучились ходить строем, приглашенные режиссером персонажи свое на плацах и смотрах тоже давно отходили, а, ощущая себя художниками-индивидуумами, иные и избалованные удачами у публики, передвигались как бы лениво и явно подавляя в себе протесты по поводу указаний режиссера и в особенности оператора с ассистентами и осветителей.

Словом, не меньше часа ушло на перестроение медлительных и бестолковых фрондеров в корявую, с изгибами дождевого червя, колонну. И бежать-то никуда с противогазами на мозгах не предстояло, а были обещаны лишь крупные планы (каждому!), пусть и без текстов, тем не менее, колонна приобрела некую форму не сразу. Я должен был шагать в ряду с Женей Сидоровым, будущим министром Культуры, летчиком-фронтовиком, а нынче – писателем Артемом Анфиногеновым и популярным в те дни автором повести «Живая вода» Володи Крупиним. Гнусил дождичек, пробивался за шиворот ознобный ветерок, и воодушевление любопытства к чудесам чужой профессии вместе с детскими надеждами («вдруг получусь на шосткинской пленке неожиданным красавцом») потихоньку истекало из каждого из нас.

А у меня в карманах джинсов имелись три прижатые к телу воблы. С икрой.

Я вызнал у гримера Гордеева, имеется ли нынче в буфете «Мосфильма» чешское пиво. «Да, – сказал Гордеев. – “Старопрамен”».

Что нам стоило пережить еще несколько дублей «Детского сада»!

6

Но толкотня на асфальтовой тропе стала надоедать. Евгений Александрович, похоже, был способен со славой провести сражение под Ватерлоо, в полной уверенности, что сокрушит Бонапарта без Веллингтона и немцев, а может даже и без самого Сергея Федоровича Бондарчука, у того, правда, Ватерлоо размещалось в Карпатах, но управиться с движением колонны ополченцев и с большим напряжением натуры у него не получалось. И я в его усердиях ощущал себя бестолочью, а однажды, покачнувшись, сам заехал по плечу режиссеру штыком мосинской винтовки. «Меня еще и штыками бьют!» – воскликнул Евгений Александрович. Возможно, имея в виду не одну лишь локальную съемочную ситуацию, а всю свою судьбу в совокупности.

Удивляла суэта вблизи меня гримера Гордеева и его ассистентки Людочки. Прежние любезности Гордеева и Люды сменились беспокойством. Они будто бы ловили на мне комаров.

Если происходили заминки, а их случалось много, они подсакивали ко мне с мало деликатными заботами и принимались обследовать усы. Гордеев, как мне казалось, слишком бесцеремонно ощупывал мою верхнюю губу, а его помощница раздражающе часто проводила кисточкой по щетине усов. Одно из ее движений вызвало мою неприязнь и желание уклониться от маневра уже и не комара, а шершня. Я почти ударил Людочку по руке, вызвав слезы на ее глазах.

– Простите... – произнес я. – Но что с вами? От чего мы не можете успокоиться?

– Ветер... – смутился Гордеев. – Может сорвать усы. А их затопчут.

– Да! Ветер! Колючий, мокрый! – подтвердила Людочка. – Вы не обижайтесь. Коли какой недосмотр будет, растреплет что-нибудь, нам от Евгения Александровича влетит.

Но на режиссера Гордеев с Людочкой, пожалуй, не часто посматривали. И очень скоро моя догадка о том, что вовсе не опасения получить нагоняй от режиссера-постановщика, вызывали подскоки ко мне гримеров с общупыванием верхней губы. Объяснение Гордеевым сути их забот меня уже не удивило. Они с Людочкой оберегали художественные ценности государственной важности. Вот что! Так мне была открыта «тайна серебряного сундучка» – волшебного оснащения фабрики грез.

Как только последний, на сегодня, дубль был отснят, Гордеев с Людочкой тут же избавили меня от лучших довоенных усов, убрали их в студийный тайник, укутали, упокоили их в нем и, взмахнув крыльями, отлетели в помещения за крепостными стенами «Мосфильма».

Тем временем киношный народ не расходился. И приглашенные мастером люди, и профессиональные толпуны будто чего-то ожидали. Было бы пошлым думать, что бескорыстные служители искусства (фанаты кинематографии за три рубля в сутки в расчет не принимались) стояли в ожидании обогрева с помощью обещанного Евгением Александровичем ячменного шотландского напитка. Впрочем, отчего же и не обогреть-то. Раз обещал.

Так или иначе, народ стоял под мокрым ветром, используя, видимо, свои средства обогрева.

А для режиссера-постановщика словно бы и не было сейчас ни темнеющего мокрого неба, ни автомобилей с троллейбусами на Мосфильмовской улице, ни ополченцев, покуривавших и болтавших всякий вздор на углу студийной усадьбы. Впрочем, ополченцы в соображениях Е. А., конечно, были. И режиссер, отспорив о чем-то с операторами и ассистентами, воскричал в мегафон:

– Построение! В войну не так мокли и мерзли! Еще два дубля!

Энергия Евгения Александровича была сейчас такова, что колонна возобновила себя в прежних формах и наличиях.

И я, пусть и с невысказанными протестами, возвратился в ряд с Сидоровым, Анфиногеновым и Крупинным.

И тут же вблизи меня, будто шампиньонами сквозь асфальты, проросли гример Гордеев и его помощница Людочка. Гордеев нервно коснулся моей губы. Тут же отдернул руку, извинился. Ему бы успокоиться, убедиться в том, что усов на мне нет и вернуться к серебряному хранилищу. Нет, не успокоился, а принялся уговаривать меня сейчас же покинуть студию, или хотя бы уйти в буфет, пока там не кончилось чешское пиво, либо, на крайний случай затеряться где-нибудь в задних рядах колонны, не лезть на глаза постановщика «Детского сада» и уж при новых дублях не угодить в крупный план оператору.

– Не попаду! – уверил я. – А что вы так волнуетесь?

– Потом объясню, – испуганно сказал Гордеев, и они с Людой исчезли из съемочного процесса.

7

Более ни в каких эпизодах «Детского сада» сниматься меня не приглашали.

Через полгода я оказался в коридорах «Мосфильма» из-за обстоятельств, совершенно не связанных с «Детским садом». Тогда я и столкнулся в одном из помещений с гримером Гордеевым.

– Вы обещали объяснить мне... – напомнил я.

– Да, да! Я помню! – сказал Гордеев. – Но я боюсь, что вы расстроитесь. Или даже обидитесь... И будете относиться ко мне без уважения... Я поддался тогда напору Евгения Александровича...

– К чему долгие подходы? Куда и почему вы упрятывали тогда усы?

– Вас украсили в спешке не столько самыми лучшими довоенными усами, сколько самыми дорогими на ту пору усами студии.

– То-есть?

– Их по нашему заказу изготавливали в Голливуде для эпопеи «Освобождение». Это усы Гитлера.

– Ну, вы меня уважили! – растерялся я.

– Я так и думал, что вы огорчитесь, наверное, не следовало открывать вам... Дайте мне слово не рассказывать об усах Евгению Александровичу...

– Ну, уж ладно, – великодушно сказал я. – Мне сейчас не до усов.

И вспомнил:

– А что за темные стеклышки оберегались по соседству с усами?

– Глаза Жанны Маркс, – вздохнул Гордеев.

– Ничего себе, – не выдержал я.

– Партийно-государственный заказ, – объяснил Гордеев. – Денег жалеть не полагалось.

Какие могли быть экономии при съемках необходимого прогрессивному человечеству фильма «Год как жизнь»? Лучшие заявившие о себе артистические таланты были определены на главные роли. Молодого Маркса играл один из основателей «Современника» Игорь Кваша, молодого Энгельса – Андрей Миронов. Их учение на студии по исторической справедливости было названо квашизмом-миронизмом.

Про квашизм-миронизм я что-то слышал...

А вот про Руфину Нифонтову, вроде бы игравшую Жанну Маркс, почти ничего не слышал. Ее глаза были то ли голубые, то ли зеленые, то ли светло серые. Не помню... А они должны были быть убедительно-карие. Требование истории. Так вот эти, по моему разумению стекляшки, а тогда почти неизвестные у нас линзы, и обязаны были обеспечить глазам Жанны Маркс соответствие. Денег для мастеров Голливуда не жалели, тем более, что при соблюдении исторической достоверности, новые, необходимые людям произведения могли добыть для «Мосфильма» награды высших проб.

– Чушь какая-то! Иные времена! – возмутился я. – Пора было выкинуть эти подделки!

– Как же! – запротестовал Гордеев. – Реликвии! Фильмы шли на Ленинские премии. Иные и дошли! Еще и осядут в музеях... И слава Богу, что вы не обиделись! Но еще раз молю вас: ни слова об усах Евгению Александровичу! Каково ему будет узнать, что по его деспотической прихоти – а именно так и получается, один из ополченцев сорок первого года восстал на борьбу с фашизмом с усами Гитлера!? Он же застрелится!

– Ага, – согласился я, – сейчас и застрелится. Или повесится.

– Я вас понимаю! – будто бы обрадовался Гордеев. – И все же прошу, Евгению Александровичу ни слова...

– Хорошо... Умолчу. Пожалуй, в этом есть резон... – задумался я.

8

Евгений Александрович в ту пору вырастал в Сибири в профессионального режиссера, в частности, на станции Зима. Там, к удивлению многих, он все же сумел создать массовые сцены, иные из них – просто блестящие, эпизод с проводами сибирских мужиков в армию, например. В Москву Евтушенко вернулся в пору логически-монтажного собирания мозаик и кадров из снежного материка во фрагменты своих будущих кинособоров или хотя бы часовен.

В дни его наездов в Москву мы иногда встречались. Но встречи наши чаще всего сводились к буфетно-коридорной болтовне. Иногда, правда, говорили и о серьезном. Е. А. уже подумывал о новом фильме – «Похороны Сталина», и меня, как пережившего мартовские дни и терявшего на Сретенке калоши, готов был призвать в советчики, а то и в консультанты. Меня же замыслы мастера, в особенности с расчетом на публистические старания Ванессы Редгрейв, давно забывшей о том, что такое искусство и зачем оно, удручили, я не поверил в новый фильм и при возможности от него отполз. Но во мне Евгений Александрович (угадал, предугадал) тогда эссеистские способности, необходимые для литературно-творческих общений. Я сейчас же был включен в Члены Совета по Грузинской Литературе, Председателем его, конечно, блистал Евгений Александрович.

В Грузии я ни разу не бывал, закавказскую современную литературу знал плохо. И в определении меня в товарищество к Царице Тамаре и ее Дарьяльскому окружению мне почудился знак судьбы. Будто я орден какой-то получил. Предположим, хрустальных Подвязок. Той самой блистательной царицы Тамар. Или же, если крепко склеить веки жижицей «супермомента», то и международное признание. Смутило лишь то, что удачи в трудах Совета стали приносить мне, главным образом, эссеистские умения, производимые при вкуснейших запахах и ароматах в Дубовом зале Дома Литераторов. То есть – комплиментарные упражнения при застольях. И мне стало сытно, но скучно. А потом все и кончилось.

Однажды Евгений Александрович позвонил мне и предложил съездить в Тбилиси. «Тем более ты там не был...» «И чего...?» «Город посмотришь, развеешься... Главный их проспект будет перекрыт, столы вместо троллейбусов, шашлыки, фонтаны из Кахетии, тосты...» «Так и ведь и тосты придется произносить...» «Это-то проще простого!» Оказывается, в Тбилиси собирались отмечать юбилей одного из своих классических прозаиков, и я для тостов соответствовал рангом... «Я его не читал». «Другие читали! А он, видите ли, не читал! Возьми в библиотеке несколько томов на три дня!» Через три дня я понял, что не дорос до верхних ступеней и стропил в литературе, и тем более столов поперек проспекта, и мне пришлось искать деликатные оправдания собственной немочи, интеллектуальной, в частности, но – и не в последнюю очередь – и медицинского характера с напоминанием (ложным) о слабостях пищеварительного тракта.

Мол, не способен участвовать в благородных Неделях Дружб и походах искусств с бокалами и вилками к светлым вершинам. Врачи зловредны. Здоровье подорвано.

Евгений Александрович не обиделся. Мало ли мелких случаев в Жизни Замечательных людей!

А тут как раз подоспела премьера фильма «Детский сад».

Происходила она в Доме Кино на Васильевской, а потом, естественно, и в ресторане наверху. Обещанное ли нам виски полыхало на столах ячменным огнем или какое новое из эдинбургских подвалов, – не имело значения. И в мнениях о фильме оно ничего не могло изменить. Мнения эти были, конечно, банкетные. Деликатно умалчивали о нескольких балаганно-цыганских эпизодах картины, но в целом-то фильм вышел не из худших. И много было поводов для благодушных тостов. И я раззадорился, объявил, что могу похвастаться творческим достижением. «Каким это?» – поинтересовались. «А таким! – взвился я. – Сыграл в

фильме две роли. Ополченца с усами. И ополченца без усов!» Похвальба моя вызвала интерес режиссера. Опять же бахвальство побудило меня забыть об обещаниях гримеру Гордееву и рассказать публике о лучших довоенных усах. Усы Гитлера на лице московского ополченца, естественно, возмутили Евгения Александровича, но не надолго. Я же еще с полчаса бродил вокруг стола от рюмки к рюмке и повторял:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.